

Всемирный день философии

18 ноября 2021 года кафедра философии Нижегородской академии МВД России при поддержке нижегородского отделения Российского философского общества организовала и провела межвузовский круглый стол, посвященный Всемирному дню философии.

В работе круглого стола приняли участие ученые из Нижнего Новгорода, Москвы, Волгограда, Иркутска, Екатеринбурга, Орла, Омска, представители духовенства, а также учащиеся Нижегородской академии МВД России.

Научные мероприятия, посвященные Всемирному дню философии являются традиционными для Нижегородской академии. В этом году общей для обсуждения стала тема «Право в системе коллективной социально-исторической памяти: к 800-летию Нижнего Новгорода».

World philosophy day

On November 18, 2021, the Department of philosophy of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the support of the Nizhny Novgorod branch of the Russian philosophical society organized and held an interuniversity round table dedicated to the World philosophy day.

The round table was attended by scientists from Nizhny Novgorod, Moscow, Volgograd, Irkutsk, Yekaterinburg, Orel, Omsk, representatives of the clergy, students of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific events dedicated to the World Philosophy Day are traditional for the Nizhny Novgorod Academy. This year, the general topic for discussion was “Law in the system of collective socio-historical memory: to the 800th anniversary of Nizhny Novgorod”.

Дахин Андрей Васильевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Россия как правовое государство: проблема конституционной идентичности и роль коллективной памяти

Современная Россия на протяжении тридцати лет движется по пути формирования себя в качестве суверенного государства. В современном мире — это достаточно важное обстоятельство, поскольку современная Европа, в сравнительный контекст с которой часто попадает наше государство, находится в совершенно противоположном транзите — в процессе растворения государственных суверенитетов традиционных национальных государств в системе Европейского союза, а также в системе НАТО. Это обстоятельство усиливает значимость наших самостоятельных ресурсов регулирования отечественного социального порядка и снижает значимость практик заимствования готовых «образцов для подражания» со стороны. Одним из таких предметов, требующих самостоятельного и внимательного для себя осмысления является конституционное положение о том, что Россия — это «правовое государство» (п. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации). «Принцип верховенства (господства) права как меры (нормы) свободы в его логическом развертывании» предопределяет то, в какой мере могут быть реализованы конституционные положения о России как социальном и демократическом государстве¹. В частности, В. Зорькин показывает, что российское правовое государство недостаточно сильно и последовательно срабатывает в плане обеспечения приоритетов социального государства.² Проблемный статус понятия «правовое государство» усиливает критический анализ сферы российского права. Так, профессор Р. З. Рувинский отмечает такие явления, как фетишизация института права, избыточность и чрезвычайность национального

¹ Зорькин В. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 46—50.

² Там же. С. 49.

законодательства, тенденция очищения права от связи с моралью и доминирование «права-техники», своеобразная мода на технологическую нормативность, которая стремится действовать в обход воли социального субъекта, не обращается к его субъективной сознательности человека¹. Ситуацию вытеснения человека из системы правового регулирования социального порядка усиливает цифровизация². В результате правовая норма становится «означающим без означения»³.

Дефиниция «пустое означающее» (Э. Лаклау) хорошо знакома философии: сформированная в стримах постмодернистской философии. Оно предлагает радикальную деонтологизацию человеческого знания. Популяризации этого концепта способствует глобализация знания, в поле которой генерируется устойчивый плюрализм подходов, в котором растворяется смысловой суверенитет любого научного понятия. Глобальная кипящая среда научных публикаций, стремящихся к вершинам рыночной популярности, кишит десятками и десятками различных определений, приходящихся на каждое отдельно взятое понятие, и массой своего большинства они «голосуют» за лишение любого понятия его собственного, субстантивного, сущностного смысла. Поэтому привычное для середины двадцатого века представление об «общепринятости» научных и конституционных понятий теперь растворено в агрессивной среде плюрализма, а общепринятые значения терминов оборачиваются «пустыми означающими». Такие понятия, как «народ», «порядок», «демократия» становятся «полностью открытыми для множества реартикуляций»⁴ в современной публичной политике, и поэтому представляют собой «пустые означающие», то есть наименования, которые «характеризуются не столько насыщенностью значения, сколько отсутствием содержания»⁵. В особенности это касается обобщающих, универсальных понятий, которые характеризуются как «пустые универсальности»⁶. К этой категории относится и понятие «правовое государство», для которого в данной ситуации требуется своеобразное переоткрытие, перепоясание того, что мы называем им в Российской Федерации. Проблема «пустой универсальности» позволяет показать, что вопросы совершенствования российского правового государства содержат философский бэкграунд, «цокольный этаж», без уточнения смысловых составляющих которого конституционное понятие «правовое государство» не сможет стать суверенно-устойчивым в России. Основное направление работы, которая обеспечит защиту отечественных конституционных понятий от постмодернистского опустошения, состоит в том, чтобы сделать их «укорененными» в российском социуме, то есть создать и поддерживать такой статус в системе государственного управления и в среде отечественного гражданского общества, в которых конституционное понятие становится элементом общероссийской гражданской идентичности, устойчиво держаться в качестве элемента имени «гражданин России».

Значение вопросов «укорененности» конституционной нормы в отечественном социуме становится ясным, как на ладони, если перевести внимание в регистр столетия российского конституционализма. Боле 100 лет назад в России начался отсчет современной конституционной истории (в 1905 г. был подписан «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка»), который стал частью одного из величайших уроков для России — Октябрьской революции 1917 года. В этом поле в центр внимания попадает понятие «псевдоконституционализма», которое использовал М. Вебер, характеризуя реформы власти в России в 1905—1907 годах.⁷ Современные исследования отмечают, что проблемы конституционализма как «нормативной политической теории» имеют значение для современных «молодых, зрелых и “перезрелых” демократий»⁸. М. Вебер

¹ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы / СПб.: Алетей, 2020. С. 197—338.

² Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: дискуссия ... и перспективы развития. // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой / М.: Проспект. 2021. С. 278—309.

³ Рувинский Р. З. Цит.соч. С. 335.

⁴ Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 63.

⁵ Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). Екатеринбург, 2007. С. 65.

⁶ Torfing Y. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance. NY: Palgrave Macmillan publ., 2005. Pp.1—32.

⁷ Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Полис. 2006. № 2. С. 77—79.

⁸ Кустарев А. С. Макс Вебер о модернизации русского самодержавия // Полис. 2006. № 2. С. 60—76.

интересен тем, что, наблюдая политическую практику российских реформ начала XX века, как социолог, он высвечивал также состояние ее связей с российской бюрократией и с большим российским социумом. В его контенте связка понятий «конституционализм — псевдоконституционализм» отражает дилемму связи конституции и социума страны. Вынесение в заглавие текста М. Вебера понятия «псевдоконституционализм» отражает основную идею немецкого социолога: «Официально даруются свободы, а затем, когда ими хотят воспользоваться, оказывается, что эти свободы — иллюзия»¹. Другими словами, октроированная конституционная норма, не укорененная в структурах большого социума и бюрократии, дает обществу не социальное согласие, а становится основой социального конфликта и ведет к революции. Псевдоконституционализм наносит ущерб авторитету исполнительной власти («... авторитету же короны наносится ущерб»), разрушает социальное партнерство исполнительной и законодательной власти («Теперь уже парламент имеет возможность внушать массам, что попытка править вместе с короной “не удастся”»²), а также повышает недоверие граждан («... Они не видят в применении силы ничего “благого” — лишь жесткую реальность произвола власти, находящейся в руках их заклятых врагов»³).

Признаком того, что современная власть проявляет чувствительность к проблеме октроированности конституционных норм, является референдум по поправкам к Конституции Российской Федерации, принятым в 2020 году Президент Российской Федерации В. В. Путин был инициатором этого референдума, хотя статус поправок вполне допускал их принятие на уровне треугольника «Государственная Дума — Совет Федерации — Президент Российской Федерации». Миссия конституционного референдума 2020 года состояла в том, чтобы не допустить сдвига конституционных норм в сторону «октроированных норм» и обеспечить их сближение с комплексом гражданской идентичности в России. Таким образом, след дилеммы между дарованным (октроированным) и выстраданным / воспринятым (социально укорененным) законодательством тянется из эпохи первых конституционных реформ России начала XX века до наших дней⁴. Она и составляет одну из ключевых дилемм общепризнанного в России смысла нашего конституционного понятия «правовое государство». В регистре нормативной политической теории дилемма сводится к тому, каково платформенное понимание механизма конвертации нормы закона в действующий социальный порядок, в практику массового поведения граждан России? Если рассуждать предельно схематично, то в октроированной версии — это будет механизм, согласно которому законодатель издает (в т. ч. публикует) закон, а в качестве основного способа его имплементации в массовую практику рассматриваются институты государственного принуждения и насилия (доминирует принцип «незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение»). Предполагается, что государство-законодатель устанавливает нормы социального порядка «сверху» и основные усилия затрачивает на принуждение граждан к его исполнению. При этом допускается (считается нормальным) отчуждение в отношениях «государство — гражданское общество». В альтернативной версии — это будет механизм, согласно которому законодатель издает нормативный акт, который предварительно согласован в поле публичной политики, отражает консенсус отношений «государство — гражданское общество» и / или имплементируется через систему приучения граждан к новому социальному порядку посредством программ повышения правовой грамотности граждан, системы образования и пр. Здесь, таким образом, предполагается, что государство-законодатель, устанавливая нормы социального порядка, основные усилия тратит на согласование их с обществом и / или на образовательно-воспитательное приучение к ним. При этом не допускается (считается ненормальным) отчуждение в отношениях «государство — гражданское общество».

В противоположность октроированной платформенной философии (октроированная модель) альтернативную платформу можно маркировать понятием «согласованная». Тогда согласованное законодательство (согласовательная модель), в том числе Конституция, отличается от октроированного тем, что и отечественная государственная бюрократия, и отечественное гражданское общество в одинаковой степени воспринимают правовые нормы как «свои»; отчуждение в полях отношений

¹ Вебер М. Цит. соч. С. 77.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 82.

⁴ Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1917—1940) / отв. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2010. С. 18; Шульженко Ю. Л. Конституционализм периода развитого социализма в СССР // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2020. № 2 (54). С. 8; Межуев Б. Столетие псевдоконституционализма // АПН. 15.09.2005. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=1561>

«государственная бюрократия — государственные законы», «гражданское общество — государственные законы», «государство — гражданское общество» обнуляется. Данная дилемма созвучна таким известным концептуальным альтернативам, как «позитивное право — традиционное право», «право — мораль», «социальный конструктивизм — социальный детерминизм» и др.

Представленное описание дилеммы «правового государства» очень схематично, реальные практики законотворчества и правоприменения устроены сложнее. Тем не менее можно вести речь о том, к какой платформенной схеме тяготеет действующая в России система правового государства? Так, проблемы фетишизации института права¹, избыточности² и чрезвычайности национального законодательства³ при избирательности, «релятивизме» правоприменения⁴, иллюзия всемогущества позитивного права⁵, блокировка обычая как иного источника права⁶ и другие позволяют заключить, что отечественная платформа понимания «правового государства» заметно сдвинута в сторону модели октроированного права. Особенность современной ситуации в том, что российское государство не берется за принудительное воздействие по всем случаям нарушения закона, действует выборочно, по «образцово-показательным» случаям, избыточно усиливая силу принуждения в выбранных точках реагирования, «чтобы другим не повадно было».

Другой стороной той же медали является то, что государство допускает необязательность исполнения своих собственных законов, по умолчанию «идя навстречу» массовому неприятию установленного законом социального порядка: ситуация пускается «на самотек» везде, где отсутствует прямой контроль «первых лиц». Так было с законом «о запрете курения» (курения в общественных местах), с попытками регламентировать торговлю алкоголем и пр. Однако, если точка социального пространства (город или предприятие) берется под личный контроль «первого лица», система принуждения к исполнению норм законов приводится в «боевое положение» и правоохранители действуют «образцово-показательно». Такова недавняя ситуация со взрывом на шахте «Лисвяжная» (Кемеровская область, 2021), тот же почерк прослеживается в борьбе с коррупцией, в борьбе с «лихачами» на дорогах и пр. Особенности правового поля, которые высвечивают названные проблемы, дают серьезные поводы рассматривать их в качестве признаков того, что М. Вебер называл псевдоконституционализмом, — признаками того, что отечественная платформа конституционного понятия «правовое государство» сдвинута в сторону октроированной модели.

Этот сдвиг, однако, не является устойчивой позицией, она периодически подвергается импульсам смещения в сторону согласовательной модели. Эпизод с разработкой нормативного порядка вакцинации от Covid-19 в 2021 году позволяет увидеть секторальный возврат российского законодателя в точку альтернативного выбора: Президент В. В. Путин утверждает принцип добровольности этого порядка в противоположность позиции государственной бюрократии и фарм-бизнеса, который продвигает принцип обязательной вакцинации. Случай федерального закона об антиковидных QR-кодах второй половины 2021 года также позволяет видеть, как первая попытка «даровать» антиковидный закон «сверху», в том числе закон об антиковидных мерах на транспорте, смягчается пониманием того, что необходима его гармонизация с массовым пониманием и восприятием механизмов ограничения социальных контактов в период эпидемии. В совокупности со случаем референдума о поправках к Конституции Российской Федерации 2020 года эти и целый ряд иных эпизодов законотворчества и правоприменения позволяют говорить о том, что в российской политической элите нет устойчивого платформенного выбора между моделями октроированного права и согласованного права, но есть случайные колебания между двумя платформами. От этого российское конституционное понятие «правовое государство» остается неопределенным, находится в состоянии «пустой универсальности».

Без исправления этого положения дел невозможно решать задачу формирования «конституционной идентичности» граждан России⁷, невозможно преодолеть отчуждение в отношениях граждан

¹ Рувинский Р. З. Цит. соч. С. 197—198, 205, 215.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 211, 228.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. Федеральный выпуск № 7689(226). 09.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (дата обращения: 01.11.2021)

к отечественному законодательству и, в конечном счете, невозможно преодолеть элементы отчуждения граждан России от российского государства. Для переноса центра тяжести отечественного законодательства в сторону согласовательной модели, требуется большая подготовительная работа структур отечественного государственно-гражданского партнерства разных уровней, разной секторально-социальной принадлежности. Решение этой задачи неизбежно потребует освоения разнообразных механизмов совещательной демократии, социальная миссия которых сводится к генерации консенсуса, взаимного доверия в системе отношений «российское государство — российское гражданское общество» на разных уровнях единой системы публичной власти России. Одним из конкретных результатов должно стать конституционное определение понятия «правовое государство» — дефиниция, которая оформит отказ России от «октроированной» конституционной модели и выбор в пользу модели «согласовательной», а также станет неотъемлемой частью глоссария основных терминов Конституции, который, к сожалению, в современной Конституции Российской Федерации пока отсутствует.

Перевод дефиниции «правовое государство» из состояния «пустого означающего» в состояние общепринятого в России понятия требует, с одной стороны, широкого распространения механизмов совещательной демократии, которые институционально обеспечивают практики государственно-гражданского партнерства на этапе выработки правовой дефиниции (институт правотворческой инициативы, институт общественных слушаний и др.). С другой стороны, на этапе имплементации, публичной легитимации правовой дефиниции, утвержденной законодателем, необходима широкая публичная образовательно-просветительская практика (общество «Знание», институты повышения гражданской грамотности и пр.), которая обеспечит массовое знание и понимание смыслов правовой дефиниции в России. Конечной целью деятельности всей совокупности совещательных и просветительских институциональных систем и практик является решение задачи интеграции правовой дефиниции в структуру общероссийской гражданской идентичности гражданина России. Другая сторона этого процесса состоит в том, что вся совокупность совещательных и просветительских процедур обеспечивает интеграцию правовой дефиниции в структуру коллективной социальной памяти российского гражданского общества. Как предмет коллективного памятования и элемент общероссийской гражданской идентичности, правовая дефиниция становится «своей» для граждан России: «своим» становится конституционное понятие «правовое государство», «своими» становятся конституционные и иные законы. Словосочетание «наш закон», если его используют граждане России для характеристики своего отношения к правовой норме, отражает достижение конечной цели публичной имплементации правовой нормы, ее духа и ее буквы. Достижение такого глубокого публичного восприятия правовой нормы позволяет интегрировать гражданина в число заинтересованных сторонников конституционной или иной правовой нормы. Более того, гражданин, если конституционная норма становится достоянием коллективной памяти отечественного гражданского общества и элементом общероссийской гражданской идентичности, входит в правовое пространство в новом качестве — рядового гаранта Конституции Российской Федерации и российского законодательства. Речь идет о том, что в случае последовательной реализации модели согласованного права граждане страны из состояния «социального планктона», который надо постоянно принуждать к исполнению законов, переходят в состояние рядового гаранта законодательства, когда каждый гражданин самостоятельно старается следовать духу и букве закона прежде всего потому, что в этом он видит способ самореализации своей российской гражданской идентичности.

Подводя итог, можно заключить, что связь правовой системы России со структурами отечественной коллективной социально-исторической памяти непосредственно зависит от того, какая платформенная модель «правового государства» принята для суверенной России. Если конституционная норма «Россия — это правовое государство» будет опираться на октроированную модель, то связь правовой системы с коллективной памятью будет слабой, граждане будут отчуждены от системы права, а основным способом поддержания социального порядка будет силовое принуждение. При этом надо понимать, что наше гражданское общество является предметом конкурентной борьбы, в которой участвуют центры внешнеполитического влияния в союзе с «иностранными агентами». Дилемма в следующем: либо государство вкладывается в укрепление своей партнерской связи с отечественным гражданским обществом, либо в закрепление привязанности нашего гражданского общества к себе вложатся внешнеполитические центры политического влияния, как правило, враждебно настроенные по отношению к России. Если конституционная

норма «Россия — правовое государство» будет опираться на согласовательную модель, то связь отечественной правовой системы с коллективной памятью отечественного гражданского общества будет сильной, граждане станут рядовыми гарантами российской системы права, а основным способом поддержания социального порядка будет государственная совещательно-просветительская практика.

Еще один вывод, который необходимо отметить, состоит в том, что переход на платформу согласовательной модели функционирования правовой системы потребует принятия нового стандарта для раздела, касающегося вопроса о затратах на разработку и имплементацию каждого нового закона. Современные практики обнуляют эти затраты, что характерно для октроированной модели правового государства. Для движения в сторону согласовательной модели российского правового государства необходимо планировать затраты как на публичные согласовательные процедуры, так и на публичные просветительские процедуры (все процедуры также должны быть определенным образом регламентированы законами о системе публичной власти в России). Новые затраты — это и есть цена, которую надо заплатить за интеграцию конституционной нормы, иной нормы права в структуру коллективной памяти российского гражданского общества. Такие затраты представляют собой лишь частный пример инвестиций в социально-гуманитарный бэкграунд отечественной системы конституционализма и одновременно в профилактику, обнуление рисков псевдоконституционализма и рисков влияния «иностранных агентов», в том числе террористического толка, в перспективе XXII века.

Фатенков Алексей Николаевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета

Право на прошлое: вечное возвращение и лабиринты памяти

В данной статье автор преследует — очертить смысловые границы понятия «право на прошлое» и концептуально соотнести его с понятиями вечного возвращения, памяти и истории.

К прошлому апеллируют чаще всего из-за явного или неявного недовольства настоящим и отсутствия перспектив в будущем. Подобное умонастроение сегодня нередкость, что, без сомнения, закономерно. Существование человека как существа биосоциального и экзистенциального поставлено под угрозу инновационным безумием одних и пассивным принятием этого безумия другими. Отсюда ментальный, по крайней мере, разворот к прошлому. По своему характеру он может быть очень разным: и с искренним стремлением отдать должное прошлому и свои долги, насколько таковое возможно; и с корыстным намерением поживиться его авторитетом. В любом случае неизбежно встает вопрос о праве человека на прошлое.

Вопрос не простой. С очевидностью ясно, что человек имеет право на настоящее, теперешнее — и получает это право сполна, получает и реализует его самим своим существованием в данный момент. Весьма вероятно, хотя уже и не вполне, право человека на ближайшее будущее, в которое неуловимо перетекает настоящее. С отдаленным будущим все заметно пессимистичнее. Ну а с прошлым ситуация запутана до предела. Что вообще означает право на прошлое? Это владение им? Но скорее прошлое само владеет нами. Нынешние наши соображения и поступки во многом детерминированы прежними действиями и давними интуициями, при том что никому и никогда не удавалось сделать бывшее небывшим, несуществовавшим. Может, право на прошлое это распоряжение им, установление в нем своих смысловых порядков? Однако толку от такого своеобразничания немного, как ни усердствуют тут по обыкновению «заказчики-политики» и их дипломированная «обслуга». На потребу переписывать историю можно десятки раз, но человек живет не историей, всегда искореженной идеологией, а памятью (в том числе генетической памятью), до которой официозу дотянуться куда труднее. Может, прошлое надо хранить? Однако каждое мысленное его воспроизведение так или иначе меняет все же смысловую конфигурацию произошедших